

К ВОПРОСУ О «ТОЧКЕ НЕВОЗВРАТА» И РЕФОРМЕ АГРАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Макаров Анатолий Николаевич

доктор экономических наук, профессор,
Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики,
г. Набережные Челны, Российская Федерация.
E-mail: makarovfksu@yandex.ru

JEL I 28

К ВОПРОСУ О «ТОЧКЕ НЕВОЗВРАТА» И РЕФОРМЕ АГРАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: Статья посвящена вопросам реформы аграрного образования, имеющего стратегическое значение для развития АПК. Показано, что элитарное и массовое образование не могут сосуществовать одновременно в равной мере успешно, что проблема полюсов в системе аграрного образования может быть решена только путем формирования профильного образования, встроенного в социально-экономический процесс, в модель отраслевой экономики. Рассмотрены особенности модели конкуренции между университетами, российские и европейские модели развития аграрного образования, опыт локальной реорганизации путем слияния вузов. Выделен ряд конструктивных позиций (развитие ребрендинга, изменение приоритетов и др.) для преодоления фактора непривлекательности, непрестижности аграрного образования. Отмечена невозможность вскрытия логики разрешения рассмотренных проблем на основе неоклассической теории, обоснована актуальность изменения университетского экономического образования и в аграрной сфере с учетом больших институциональных изменений на рубеже веков в русле теоретической экономики.

Ключевые слова: образование; инновации; «точка невозврата»; регионализация; модель конкуренции; европейские университеты; ребрендинг; приоритеты.

THE QUESTION OF «TIPPING POINT» AND THE REFORM OF AGRICULTURAL EDUCATION AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

Abstract: The article is devoted to the reform of the agricultural education is of strategic importance for the development of agribusiness. It is shown that elite and mass education cannot coexist at the same time equally successful, the problem of poles in the system of agricultural education can only be resolved through the formation of professional education that is embedded in the socio – economic process in the model industry. The peculiarities of the model of competition between universities, the Russian and the European model of agricultural education, the experience of local reorganization by the merger of the universities. A selected number of structural positions (development of rebranding, changing priorities, etc.) to overcome the factor of unattractiveness, the low prestige of agricultural education. Noted the impossibility of opening of the logic of resolution of issues addressed on the basis of neoclassical theory, and the relevance of the change of University economic education in the agricultural sector given the major institutional changes at the turn of the century in line with the theoretical housekeeper.

Keywords: education; innovation; the «point of no return»; regionalization; model competition; European universities; rebranding; priorities.

1. Образование как фактор инновационного развития и «точка невозврата». Эмпирические исследования, выполненные в последние десятилетия, в качестве наиболее значимого фактора экономического роста называют образование [1] и показывают, что этот фактор отеснил даже такие важные переменные, как сбережения (инвестиции) и рост населения. В этой связи особую актуальность имеют исследования индийского экономиста Амартии Сена (лауреата Нобелевской премии 1998 года),

обосновавшего нестандартные выводы, идущие вразрез с общепринятым мнением, являющимся, по сути, широко распространенным заблуждением о том, что так называемое «развитие человека» (в т.ч. совершенствование системы народного образования, других составляющих «хорошей жизни») могут позволить себе лишь высокоразвитые страны, поскольку соответствующие расходы будут сопряжены с высокими альтернативными издержками, выраженными в сокращении уровня промышленного производства по сравнению с ситуацией, в которой все затраты направлялись бы исключительно на рост материальной составляющей ВВП. Выступая с острой критикой подобной установки, и опираясь на многочисленные эмпирические исследования (особенно по Индии, Китаю и странам Юго-восточной Азии), Амартия Сен приходит к выводу, более чем актуальному и для сегодняшней российской действительности: ошибочность установки для той или иной страны о первоочередном создании вначале значительного экономического потенциала, и лишь затем ориентироваться на «развитие человека». В то время как последовательность должна быть обратной: для обеспечения многолетнего процветания своего Отечества, руководство страны и все общество обязаны выбрать в качестве приоритетов развитие народного образования, при том, что это правило действует и в странах с низким уровнем доходов, и настоящая подготовка «экономического чуда» начинается именно с массовых инвестиций в человеческий капитал, которые должны затронуть жизнь рядовых граждан.

Подход Амартии Сена к развитию как к процессу расширения реальных прав и свобод, которыми пользуются члены общества, контрастирует с более узким толкованием развития в рамках неоклассического мейнстрима, например, отождествлением этого процесса с ростом ВВП, с ростом доходов населения, индустриализацией и техническим прогрессом либо социальной модернизацией. При всей важности роста ВВП или доходов населения как средств расширения прав и возможностей человека, однако степень свободы в обществе определяется также другими, и не менее важными факторами: социальным и экономическим устройством общества, уровнем образования, наличием политических и гражданских прав. Отсюда важнейший рецепт А.Сена для осуществления государственной политики, направленной на уменьшение бедности: реформы, направленные на расширение возможностей, например, совершенствование базового образования, не только напрямую повышают качество жизни, но также повышают способность человека зарабатывать, взаимобразно способствует увеличению дохода: благодаря расширению возможностей растет производительность труда, вызывающая более высокий доход и больше шансов по преодолению бедности для всех жителей страны [2].

Тесная взаимосвязь между макроэкономическим ростом и развитием образования послужила основой формирования экономической политики активного стимулирования инвестиций в человеческий капитал. В современном мире высшее образование поставлено на главное место в национальных программах обеспечения конкурентоспособности, а вузы рассматриваются как «экономические двигатели» в производстве знания путем исследований и инноваций, выдвигаются в центр «модернизационной повестки дня». Отнюдь не случайно правительства всех стран с целью глобальной конкурентоспособности и продвижения своих национальных элитных университетов дополнительно финансируют их, создают так называемые «Центры превосходства», в числе которых такие страны, как Китай, Дания Германия, Нигерия, Южная Корея и Тайвань.

Важным фактором при анализе институциональных основ формирования рынка образования является то, что несомненным сравнительным преимуществом России, особенно в сопоставлении с уровнем экономического развития страны, является высокий образовательный уровень ее населения, и Россия относится к небольшому числу стран, обладающих высокоразвитым научно-инновационным потенциалом. Несмотря на ряд негативных тенденций периода активных реформ 1990-х гг. (снижения финансирования науки, сокращения численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, падения спроса на научную продукцию) Россия к

началу XXI века располагала 12% ученых всего мира, причем треть из них была в возрасте до 40 лет. Однако накопленный научно-инновационный капитал страны представляет собой, прежде всего потенциальное конкурентное преимущество России. Об этом в частности свидетельствуют некоторые показатели результативности отечественной науки. Например, к началу XXI века доля России на мировом рынке наукоемкой продукции составляла 0,3% при потенциальной возможности контролировать 10-15%. [3, с. 358]. Таким образом, высокий уровень накопленного человеческого капитала не гарантирует автоматически высоких темпов экономического роста. Многие страны мира при прочих равных условиях отстают в своем развитии от стран и регионов с аналогичными или даже более низкими показателями состояния системы образования. Подобная ситуация объясняется рядом причин. Во-первых, это связано с неэффективным использованием имеющегося человеческого капитала. Примером последнего является занятость людей с высшим образованием или высокой квалификацией на рабочих местах, где эти знания и квалификация не требуются. Во-вторых, к этому приводит нерациональное осуществление инвестиций в человеческий капитал. Так, можно увеличивать число мест в университетах, продолжать и расширять подготовку специалистов по старым программам и учебникам без учета изменяющихся потребностей рынка труда. В-третьих, неверно выбранная стратегия развития страны, в том числе и в сфере высшего образования, также может приводить к снижению темпов экономического роста при сравнительно высокообразованном населении [3, с. 368,371-372].

В контексте проводимой сегодня реформы лейтмотивом звучит идея о том, что высшее образование должно быть доступным. В этой связи до 70-х годов прошлого века СССР лидировал и конкурировал с США по расходам на образование, отпуская из бюджета 10-12% национального дохода. К 80-м годам СССР потерял лидерство по этому показателю и к 1985 г. расходы на образование составляли 6%, а в последующие годы - менее 4% расходной части бюджета, а том числе на высшее образование - 2%. При этом рекомендации Всемирного банка предписывают, что вклад в образование должен составлять от 4 до 6 % ВВП [4]. Реальность в этой связи такова, что экономика России проявляет устойчивую невосприимчивость к инновациям, составляющим основу и содержание модернизации, которая является сегодня вызовом времени [5]. Низкая восприимчивость российской экономики к техническому прогрессу видна, прежде всего, из плачевного состояния фонда основного капитала: анализ состояния материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий свидетельствует о том, что траектория инвестиционного кризиса в аграрной сфере близка к «точке невозврата» (т.е. процессы разрушения накопленного производственного потенциала могут принимать необратимый характер) [6].

Разумеется, задача поиска дополнительных источников финансирования образования всегда была актуальной для образовательной системы любой страны. Но ни одна из развитых стран не отказывается от государственной поддержки образования. Нельзя не соглашаться с мнением о том, что конкуренция вузов за финансовые источники в конечном счете разрушает основные ценности образования. Разумеется, следует искать возможный эффективный механизм связи между крупным бизнесом и высшим образованием. Однако, учитывая то, что из всех предприятий в целом в стране всего лишь 9% являются предприятиями инновационного характера, ориентация в подготовке кадров только на их модели специалистов, можно способствовать консервации отсталости и всегда оставаться на траектории догоняющего развития.

Доминирующей тенденцией в России остается уход государства из образования, проявлением которого являются инициированные рыночными отношениями процессы регионализации, децентрализации системы образования, т.е. федеральный центр перекладывает значительную часть задачи финансирования на региональные и муниципальные уровни. Однако это может подорвать российское образование как общегражданский институт, нанести урон его консолидирующей, объединяющей функции. Ведь образование является важным системообразующим фактором

сохранения и развития государственности, формирования гражданского единства нации, содействует усилению социальной связанности общества, повышению доверия к социальным институтам, а также правильному пониманию вопросов гендерного, этнического, религиозного и социального разнообразия. Сегодня же, когда российское общество расслаивается по многим основаниям (имущественным, национальным, религиозным), система образования остается едва ли не единственным фактором консолидации всего населения России. Бесконечные реформы в сфере образования приводят к потере вековых наработок, компетенций и уникальных профессионалов, утрачиваются фундаментальные навыки университетов.

Таким образом, развитие высшего образования в России на рубеже веков свидетельствует о больших институциональных изменениях. В общественном сознании это увязывается с импортом институтов стран постиндустриализации. Однако имплантация институтов стран – пионеров постиндустриализации не способствует решению задач обгоняющего развития России. К сожалению, реформирование в России во многом пошло по пути резкой коммерциализации, связанной с безудержным ростом количества платных образовательных структур, платного сектора образования и ростом цен за обучение (которые в престижных вузах достигли неимоверной величины, закрепляя тем самым социальное неравенство). Это явилось серьезнейшей проблемой высшего образования, которая наносит удар, прежде всего, по фундаментальному образованию. К тому же, позволяя открывать и набирать студентов тысячам новых негосударственных вузов (и их многотысячным, появившимся за несколько лет в 90-е годы филиалам), российская система высшего образования перешла на стадию «смесительного уравнения», формирования сектора псевдообразования (масштабы которого оцениваются как минимум в 25 % всей системы; где к студентам предъявляются заведомо заниженные требования, а набор компетенций, который они получают, явно недостаточен для профессиональной работы) [7], где массовость обостряет проблему качества высшего образования, что в не меньшей степени распространено и в сфере аграрного образования. В целом высшая школа практически потеряла свою инновационную, исследовательскую составляющую. Только 16% преподавателей ведут научные исследования. Все это и привело к тому, что российская система высшего образования оказалась в ситуации глубокого кризиса по качеству образования. В стране имеет место девальвация как диплома, так и критериев оценки высшего образования. Оказалось, что элитарное и массовое образование не могут сосуществовать одновременно в равной мере успешно. Необходимо расставить акценты: либо это массовое образование, либо элитарное образование. Таким образом, серьезнейшая проблема высшего образования связана с тем, что массовость обостряет проблему качества высшего образования.

2. О проблемах и тенденциях развития российского аграрного образования. Долгие годы сельскохозяйственное образование воспринималось как сугубо отраслевая проблема, однако после введения продуктового эмбарго стало очевидно стратегическое значение его модернизации. По данным исследования, проведенного международной организацией Grant Thornton, каждый второй отечественный предприниматель проблемой номер один называет вовсе не коррупцию или доступ к кредитам, а именно персонал, кадровый вопрос, который в агропромышленном комплексе стоит еще острее, поскольку отрасль и, как следствие, аграрное образование, в течение многих лет находится в ситуации глубокого кризиса. Т.е. одним из главных сдерживающих факторов для развития агробизнеса стал именно недостаток квалифицированных кадров. Изменения в системе образования путем объединения двух столичных вузов – Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева и Агроинженерного университета имени В.П.Горячкина не способствовали компаниям АПК разрешить проблему подготовки специалистов, владеющих современными знаниями, иностранным языком, что становится особенно актуальным в рамках поставленной перед отраслью задачи импортозамещения, предполагающего использование новой техники, современных технологий, а главное, наличие специалистов, способных их создавать и эксплуатировать. Система образования

не реагирует на запросы отрасли и в силу того, что лабораторная база аграрных вузов является технологически устаревшей и слишком отстала от запросов времени. Половина молочных ферм в стране, являясь низкотехнологичными с высокой долей ручного труда образцами 1960-х годов, физически и морально изношена настолько, что нецелесообразно её модернизировать. На другом полюсе – суперсовременные предприятия, созданные в соответствии с современными достижениями науки и техники, составляющие не более 3-7 % общего числа хозяйств, но остро нуждающиеся в соответствующих данному уровню кадрах.

Данная проблема может быть решена только путем формирования профильного образования, встроенного в социально-экономический процесс, в модель отраслевой экономики. В этой связи Министерство сельского хозяйства могло бы спроектировать желаемую картину будущего (то, что в менеджменте называется видением и без чего невозможно планирование), тем самым предложив основу для прогнозирования профессионального рынка труда и ориентации высшей школы на выполнение заказа. В Государственной программе развития сельского хозяйства на 2013 – 2020 годы говорится о «стимулировании инновационной деятельности и инновационного развития АПК», но нет упоминания о развитии системы высшего образования. Отсутствие четкой картины о направлениях развития сельского хозяйства, об организациях, которые станут основным заказчиком образовательных услуг, о моделях специалистов, на которых будет предъявлен спрос на рынке, увеличивает риск того, что выпускники останутся невостребованными.

Рассматривая количественную сторону вопроса, следует отметить, что за последние более чем двадцать лет число аграрных вузов уменьшилось незначительно за счет объединения родственных структур. В настоящее время на балансе Министерства сельского хозяйства находятся 55 аграрных университетов и академий, которые ежегодно выпускают 89 тыс. молодых специалистов. В США для аналогичной отрасли готовят в 3 университетах, ежегодно выпускающих около 30 тыс. бакалавров и магистров в области аграрных наук, достаточных для удовлетворения потребностей высокоразвитого американского агробизнеса, который производит сельхозпродукции и продовольствия на 1 560 млрд. долл. в год. Аналогичный российский показатель составляет 140 млрд. долл., т.е. в 11 раз меньше. Можно полагать, что отечественному АПК требуется значительно меньше специалистов, но с более высоким уровнем качества. По подсчетам комитета Госдумы по АПК, обучение одного студента аграрного вуза обходится бюджету в 40 тыс. рублей в год (по мнению Минсельхоза из-за разницы в коэффициентах по регионам сумма составляет от 40 до 100 тыс. рублей) [4].

На обеспечение всех подведомственных вузов в 2014 году бюджет выделил 19,6 млрд. рублей (с учетом дополнительного финансирования – 23 млрд. рублей), на 2015-2016 годы проект бюджета предусматривал суммы около 21 млрд. ежегодно, в 2017 году – 21,7 млрд. рублей (для сравнения: стоимость реконструкции «Лужников», строительство стадиона московского «Динамо» или одного крупного свинокомплекса равна 20-22 млрд. рублей). В среднем усредненный бюджет каждого из 55 вузов составит 363-400 млн. рублей (т.е. примерно 10 млн. долларов на вуз, в то время как, например, бюджет европейского аграрного университета составляет почти миллиард долларов). При этом до 95% бюджетных средств идет на фонд оплаты труда и коммунальные услуги, а на приобретение нового оборудования и ремонт помещений бюджетные деньги не выделяются, поскольку эти расходы не входят в госзадание. Предполагается, что основной доход вуз должен зарабатывать сам, получать гранты или заказы на исследования от частных лиц, привлекать инвесторов и т.д. Однако зарабатывать деньги могут далеко не все аграрные вузы, и не случайно почти половина из них (46%) попала в категорию «требующие оптимизации».

Разумеется, современное образование нуждается в существенном увеличении финансирования в объеме, необходимом для модернизации материально-технической базы. Однако этого невозможно делать одновременно для всех университетов и академий, тем более, что число их превышает потребности отрасли, и в АПК идут лишь 20-30 % выпускников. Нельзя ждать качественного

образования от неэффективных вузов, которые, возможно, и научатся когда-то в неизвестном будущем привлекать деньги.

Об уровне материально-технической оснащенности современных аграрных университетов говорят используемые в образовательном процессе трактора 1932 года выпуска, в то время как новую технику и технологию студенты «осваивают» на отраслевых выставках [4]. Очевидно, что демонстрация выставочных образцов не может заменить обучение на практике, к тому же, с современным оборудованием и технологиями зачастую не знакомы и преподаватели.

3. О трехшаговой модели конкуренции между университетами. Соображения, связанные с реформой образования и с его конкурентоспособностью [8], увязываются, как правило, с Болонским процессом, который все в большей мере стимулирует и сопровождает изменения на национальном уровне. Однако типичным положением дел для российского рынка образования, субъектом которого являются также и аграрные университеты и академии, стала сформировавшаяся в начале XXI века довольно устойчивая трехшаговая бюрократическая модель конкуренции и успеха вузов [9], в соответствии с которой:

- Главным фактором преуспевания вузов служит их официальный академический статус, который предполагает три разновидности (в порядке возрастания): институт, академия, университет; напрямую сопрягается с программой развития вуза, подкрепляемой деньгами из федерального бюджета;

является «прикрытием» вуза при реализации административной конкуренции и недружественных атак со стороны властей более низкого уровня и связанных с ними агрессивных университетов.

- Следующим шагом к успеху является обретение вузом особого (высокого) административного статуса, разновидностями которого являются: классический университет, федеральный университет, национальный исследовательский университет, особый статус (например, ведомственная принадлежность вуза).

- Третьим шагом к успеху университета является его агрессивная политика, направленная на присоединение (поглощение) других вузов, что приводит к образованию университетов-гигантов, конкуренция с которыми со стороны обычных вузов становится почти невозможной.

Одна из важных особенностей рынка высшего образования России состоит в том, что бюрократические механизмы и инструменты довольно быстро приводят к хорошим академическим результатам, и суть этой «бюрократической» модели успеха состоит в том, что главным фактором успеха вуза является административный ресурс его руководства, прежде всего его ректора, т.е. конкуренция между университетами ведется не по линии традиционных рыночных параметров, а по линии административных связей их руководителей. Можно сказать, что сегодня российские вузы черпают ресурсы для своего развития не с рынка, а получают их от различных структур власти, соответственно, на вершине иерархии успеха в первую очередь оказываются не столько те вузы, которые могут обеспечить более высокое качество обучения на основе конкурентных цен, которые обладают популярностью на рынке среди потребителей абитуриентов и фирм-заказчиков научных проектов), сколько те, руководители которых обладают близостью к высшим эшелонам власти и могут получить дополнительное финансирование (как правило, бюджетное) и «включить» эффект масштаба за счет слияний и поглощений своих более слабых конкурентов.

Объективной базой современной административной модели рынка высшего образования является корпоративная модель государственного сектора, являющаяся следствием построенной модели государственного капитализма, она предопределена также и исторической спецификой России: почти все старые, знаменитые и престижные вузы являются государственными (пока частные вузы подобной репутацией не обладают, и, более того, не котируются ни среди профессоров, ни абитуриентов, ни предпринимателей, и всерьез ими не воспринимаются), а нередко и федеральными,

учредителями которых являются федеральные органы власти. В то время как принципиальное отличие, например, США в практическом отсутствии таких вузов, в крайнем случае, государственные вузы в США являются региональными, учреждаемыми и финансируемыми правительством штата; самые же лучшие вузы, имеющие высокие рейтинги, - частные организации.

Парадоксально, но при всем этом российская система высшего образования представляет собой рынок, хотя и весьма специфический, поскольку здесь присутствуют все важнейшие атрибуты рынка, такие, как множество участников и конкуренция, ограниченность ресурсов и трансакционные издержки, т.е. в России традиционная рыночная конкуренция сменилась на административную, конкуренцию за административный ресурс, и специфика ее состоит в том, что репутация российских вузов (в том числе, есть основания полагать, и аграрных) формируется не на открытом рынке, как в развитых странах Запада, а в сфере государственного администрирования и коллективах высокопоставленной бюрократии, тем самым административный ресурс трансформируется в академическую результативность (во всем остальном рыночные механизмы и закономерности сохраняются).

4. Об опыте европейских университетов. Вряд ли можно рассчитывать на одновременное обновление материально-технической базы десятков вузов, однако, как показывает опыт европейских университетов, многие улучшения можно провести не столь большими расходами за счет кооперации. Это касается и ведущих университетов Европы в категории «науки о жизни и сельском хозяйстве», то многие из них возникли в результате слияний и поглощений. Например, в числе таковых, признанный по версии QS World University лидером в Европе Университет Вагенингена (Нидерланды), получивший в конце 1990-х гг. статус исследовательского, включив в свой состав несколько отраслевых НИИ, среди прочих аргументов, слияние было продиктовано стремлением повысить эффективность за счет экономии на административных расходах и улучшить возможности привлечения ресурсов. Во Франции, например, снижение издержек и экономия денег происходит благодаря объединению усилий аграрных вузов в сети на уровне нескольких регионов, по созданию электронных библиотек и базы данных, подписке на научные издания разных стран, оцифровке их и скопившейся бумажной периодики. Распределив работы между собой, французские университеты создают огромный электронный архив для коллективного распоряжения, используя сетевой подход [10], сообща развивают образовательные ресурсы, дистанционное обучение, цифровые технологии, занимаются мониторингом новых знаний и технологий, а также используют потенциал своих специалистов для консультирования компаний и учреждений. Подобная кооперация для наших вузов была бы также полезна и для обучения студентов иностранному языку.

Полезный опыт по эффективному сотрудничеству с отраслевой индустрией, являющейся не только источником заказов, но и партнером в организации производственной практики и трудоустройстве, имеет университет Вагенингена в Нидерландах, например, с отраслевым объединением производителей молока (которое, среди прочего, ежегодно выделяет две стипендии для молодых людей, которые хотели бы учиться молочному делу). Еще более интересен опыт университета по обеспечению своих сотрудников интересными проектами по созданию в Голландии сообщества (продовольственного аналога Кремниевой долины, насчитывающей сегодня более ста компаний и организаций) на основе объединения с десятью профильными НИИ и с потенциальными заказчиками. Процесс создания Food Valley существенно ускорился после того, как проект был поддержан компанией Friesland Campina (входящей в десятку крупнейших молочных компаний мира), открывшей филиал своего центра R&D, оборудовав его в соответствии с последними достижениями науки и техники, где выигравшие конкурсный отбор студенты проходят практику, а преподаватели – кураторы, посещающие их во время производственной практики, имеют возможности знакомиться с передовыми достижениями индустрии, расширяют свои контакты, поскольку помимо исследований Food Valley выступает также и как постоянно действующая площадка для обмена знаниями:

представители бизнеса рассказывают о новых технологиях, а люди науки – о новых научных идеях и подходах.

В России тоже имеется опыт локальной реорганизации путем слияния вузов, а также присоединения к ним техникумов, институтов повышения квалификации и НИИ, в качестве примера можно привести опыт федеральных университетов, созданных на уровне федеральных округов. Высказывается мнение о создании подобных девяти-десяти супервузов с участием институтов системы Российской академии сельскохозяйственных наук (по одному на каждый федеральный округ) и еще четыре-пять специализированных академий, развивающих то или иное направление в зависимости от аграрного профиля региона, и все они при этом имеют хорошее финансирование, современную материально – техническую базу, исследовательские центры в своем составе. Предполагается, что подобная реструктуризация придаст отраслевому образованию новую динамику, но одновременно потребует менеджмента принципиально иного качества, способного инициировать амбициозные идеи и адекватные стратегии для их реализации. Сейчас же, если судить по содержанию сайтов большинства аграрных вузов, чаще всего информация о стратегии развития просто отсутствует, и обычным является ориентир на выживание, а не достижение качественно нового уровня. Нельзя игнорировать то, что если главным заказчиком для отечественной высшей школы до 90-х годов, как правило, выступало государство, то теперь речь идет о том, чтобы такими заказчиками стали рынок, компании – работодатели. При всей дискуссионности вопроса об эффективных путях подобного сотрудничества (например, посредством продуктовых кластеров и др.), все же бесспорным является то, что невозможно улучшить планы подготовки выпускников без привлечения к совместной работе ведущих компаний к организации производственной практики, к преподаванию, к работе в попечительских советах вузов и в эндаумент- фондах [4].

По данным, в последнее время не только в российских, но и в европейских университетах, наблюдается устойчивое снижение интереса к аграрному образованию, которое проявляется в падении конкурса, оттоке поступивших после первого курса обучения. Для преодоления фактора непривлекательности, непрестижности, издержек постепенного превращения известности в избитость, а бренда в скучный и приевшийся образ, аграрные университеты все чаще стали обращаться к ребрендингу, реализуя комплекс мероприятий по изменению имиджа и обновлению бренда. В этой связи, европейские учебные заведения в дополнение к традиционным направлениям и специальностям предлагают новые, спрос на которые возникает сегодня в процессе диверсификации сельской занятости на основе развития агротуризма, экокоммуникаций, альтернативной энергетики, управления и т.д. Усилившаяся тенденция изменения названий вузов в Европе (Чешский университет сельского хозяйства стал Чешским университетом наук о жизни, Сельскохозяйственный университет стал Исследовательским университетом Вагенингена), отказ в названиях вузов от таких определений, как «аграрный» и «сельскохозяйственный», делая при этом акцент на здоровое питание и экологию, также, по сути, являются попыткой изменения имиджа, преодоления восприятия сельскохозяйственных направлений (специальностей) подготовки как несовременных и немодных, а то и консервативных [4]. Кроме того, одновременно пересматриваются и основные приоритеты, в качестве таковых теперь вместо традиционного и привычного животноводства и агрономии выдвигаются здоровые продукты питания, среда обитания, здоровье и образ жизни. Несомненно, что изменению имиджа аграрного образования в значительной мере способствует также курс на развитие науки и научных исследований в вузах: для поступающих вместо обучения в «сельхозе» открываются более привлекательные перспективы получения современной профессии в исследовательском университете, имеющем высокий рейтинг в категории Life and Agricultural Sciences. В то же время, скажем, рекламу преимуществ аграрного образования, проводимую в Швеции с целью привлечения внимания молодых людей, отдельно взятый университет не мог бы себе позволить, поэтому она идет при поддержке аграрного ведомства, поскольку продвижение отраслевого образования, по сути, это

одна из главных задач министерства.

Вместо заключения. В этой связи следует отметить актуальность изменения университетского экономического образования [11, с.94] и в аграрной сфере. К тому же в настоящее время российский рынок вузов, занимающихся подготовкой экономистов и ведущих экономические исследования, весьма обширен и не структурирован, и, как следствие, непонимание места каждого вуза присуще как абитуриентам, широкой общественности, так и самим вузам. При этом логику разрешения рассмотренных нами проблем невозможно вскрыть на основе неоклассической теории, поскольку лежащая в ее основе позитивистская методология не позволяет анализировать социально-экономическую природу институтов капиталистического общества. В данной статье нами сделана попытка проведения анализа развития аграрного образования в русле теоретической экономики [12] с учетом больших институциональных изменений на рубеже веков в развитии в целом высшего образования в России. Главной целью экономического образования должно стать не индоктринирование студента на основе современного мейнстрима, оказавшегося в кризисе вместе с мировой капиталистической экономикой, а привитие слушателю навыка самостоятельного мышления. Этому может послужить только внимательное изучение альтернатив, предлагаемых разными школами неоклассической и классической традиций, их тщательный анализ на основе имеющегося в стране и в зарубежных странах реального опыта и моделей инновационного развития аграрной сферы экономики с учетом ее общих, особенных и национально-специфических закономерностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Mankiw G., Romer D., Weil D. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics, 1992.No.107 (2);
2. Экономическая мысль XX века (Об Амартии Сене)//Вестник Санкт-Петербургского университета.-2002.- №21.-Сер.5(вып.3).- С.80-119. Режим доступа: file:///C:/Users/admin/Downloads/sen%20(1).pdf
3. Отношения собственности в экономическом развитии /Под ред. А.Н.Макарова, К.А.Хубиева, Э.Ф.Назмиева. Филиал Казанского государственного университета в г. Набережные Челны. Набережные Челны,2007.- 408с.
4. Бабаев Н., Юрасова Т. России нужна реформа аграрного образования //Эксперт.- 2015.- №1-3 (22 декабря 2014-18 января 2015).- С.60-63.
5. Макаров А.Н., Максютин Е.В., Хубиев К.А. Неинновационное развитие российской экономики и реформа образования// Казанская наука.- 2014.- №3.- С.104-106.
6. Материально-техническая база сельского хозяйства России и её состояние в настоящее время. Электронный ресурс.Режим доступа: <http://refleader.ru/jgeyfsujgotrmer.html>
7. Макаров А.Н., Хубиев К.А. Реформа образования в контексте инновационного развития и конкурентоспособности российской экономики// Региональный экономический журнал.- 2014.- № 2(6).- 2014.- С.16-23.
8. Гордеев В.А. Конкуренция и её динамика в зеркале теоретической экономики [Текст] / В.А. Гордеев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2013. — № 6. — С.17-25. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru>
9. Балацкий Е.В., Верёвкин О.Л. «Бюрократическая модель» успеха российских экономических вузов // Вестник Российской Академии наук.- 2015.- Том 85, №10.- С.922-928.
10. Макаров А.Н., Макаров Э.А. Информационное предпринимательство в контексте национальной конкурентоспособности и глобализации (содержание, особенности, последствия)// Региональный экономический журнал.- 2016.- №1.- С.5-41. С.13-18.
11. Университет как звено национальной инновационной системы: Монография / Под ред.

Колганова А.И. – М.: МАКС Пресс, 2011.- 212 с.

12. Гордеев, В.А. Теоретическая экономия – новый парадигмальный мейнстрим [Текст] / В.А. Гордеев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 1.